

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

На работе поспорили. Ладно бы по делу, а то так – из-за ерунды. За генералиссимусов спор вышел. А ведь любой, даже пустяшный, спор справедливости требует.

Тогда как раз шахматный турнир на первенство конторы в самом разгаре был. И директор участие принимал, даже победителю денежный приз обещал – сам, наверно, его и хотел взять.

А чтобы игроки друг дружке не поддавались, и зрители не подсказывали, и вообще – для контроля и разрешения всяких шахматных споров Серёгу судьёй назначили. За справедливость, кстати, и назначили, за принципиальность. И ещё потому, что играл слабо и ни на какие такие призы не претендовал.

Чтобы не сложилось неправильное мнение о бездельности нашей конторы, надо пояснить: шахматные баталии гремели исключительно в обеденное время. Ну, разве что директор разрешил прихватывать полчаса рабочего, послеобеденного, если какая партия вдруг затянется.

А смуту про генералиссимусов Фёдорыч затеял. В шахматной игре ни ферзя не понимая, он обычно вразвалочку прохаживался между игроками и докучал разными вопросами и отвлечённой бубнёй.

Серёга и не слышал, что там у Фёдорыча со Славкой Бирюковым произошло, – он в тот момент мучительно размышлял, менять коня на слона или подождать.

Они подошли к Серёге с уже сцепленными, будто в рукопожатии, руками.

– Вот, главный судья, ему и разбивать, – сказал Фёдорыч.

Серёга «съел» коня и разбил ладони спорщиков. Он проигрывал и вдаваться в подробности пари ему было некогда.

– Их двое, – туманно улыбался медлительный Славка. В шахматном турнире он шёл на первом месте и спором был увлечён не сильно.

– Пятеро их, и я это тебе докажу! – жарко возражал дотошный Фёдорыч, вытирая руки о свою вечную многокарманную жилетку.

– На что поспорили? – спросил Серёга, когда они от него уже отошли.

– На бутылку, конечно, – возбудился Фёдорыч.

Собственно, и всё, спор тут же был забыт. Забыл о нём Серёга, который всё равно так и не понял его сути. Забыл Славка, потому что турнирная борьба вдруг обострилась. Не забыл Фёдорыч, но об этом позже.

Сначала надо прояснить вопрос, а он стоял примерно так: сколько на Руси было генералиссимусов? Славка говорил, что двое, подкрепляя свою позицию авторитетом таких фигур, как Суворов и Сталин. Фёдорыч же, краснея лицом и бия себя по груди хрипел, что генералиссимусов русских было никак не меньше пяти, а точнее, ровно пять, и он это может доказать как дважды два.

Был момент, когда Славка усомнился в своей правоте и даже обратился к пробежавшему мимо своему другу Есулову, сказав приблизительно так:

– Вот как Есаул скажет, так и есть. Он точно знает.

Есаулов – мужик умный и начитанный, знает много, он без душевных колебаний подтвердил: миру известны два отечественных генералиссимуса, уже названные Славкой. Пари, как мы уже знаем, состоялось.

Фёдорыч на какое-то время выпал из поля зрения, а все прочие сосредоточились на шахматах. Турнир был приурочен к новогодним праздникам, к ним же благополучно и завершился. Славка лидировал до самого конца, не сдавая позиций директору и ещё одному неплохому шахматисту. Серёга справедливо судил, не допуская ни малейших подтасовок, и даже отменил результат одной из партий, которую посчитал договорной. Соперникам пришлось подчиниться – справедливость есть справедливость – и переиграть партию уже по честному.

С душевной дрожью Серёга наблюдал, как в финале, имея выигрышную позицию, Славка допустил детскую ошибку, после чего ему оставалось лишь собственноручно загнать своего короля в мат. Денежный приз достался тому самому неплохому шахматисту, не директору. А сам Серёга занял почётное восьмое место из восьми турнирных бойцов.

Контора готовилась встречать Новый год. В одном из отделов – самом просторном – уже нарядили ёлку, развесили праздничную иллюминацию и собирались сдвигать столы в усечённую букву «П».

Вот тут-то и «всплыл» Фёдорыч. Круглое лицо его было торжественно и тревожно, как у президента в новогоднюю ночь. Он подкатился к группке кутивших в коридоре мужиков, промокнул разволнованный лоб и, как бы между прочим, спросил:

– Бирюков, ты выиграл приз?

– Нет, – простодушно ответил Славка.

– Тем хуже для тебя. Пари ты тоже проиграл.

Фёдорыч извлёк из оттопыренного кармана маленькую и толстенную книжку.

– Вот. Документальное доказательство. Предъявляю главному судье! – голос его дрогнул, достигнув вершин торжественности, и он протянул книгу ничего не понимающему Серёге.

На обложке было написано: «Генералиссимусы»

– Три дня искал! Пришлось в библиотеку записаться, – рассказывал довольный Фёдорыч. – Я же говорил, докажу. Я зря слов на ветер не бросаю. Придётся, Бирюков, тебе раскошелиться. Теперь уж не отвертишься! Вот доказательство...

Он вырвал книжку из Серёгиных рук, судорожно перелистнул страницы и ткнул пальцем в нужную.

Генералиссимусов российских действительно оказалось пятеро. Ни больше, ни меньше. Книга свидетельствовала, что некто боярин Шеин ещё во времена молодого Петра Великого сподобился взять штурмом Азов, за что и был удостоен высокого звания первым. Далее шёл не то австриец, не то немец – Антон Ульрих Брауншвейгский, который – и это подчёркивалось особо – никаких военных заслуг, если не считать женитьбу на русской царице Анне Леопольдовне, не имел. Потом Меншиков, потом Суворов и, наконец, всем известный Иосиф Виссарионович. Пятеро – как ни крути. И главное, доказательство вещественное, документальное – книга.

Фёдорыч сиял, как начищенная рында, и бубнил от радости, не переставая.

– Обращаюсь к судье, – толкал он Серёгу, понимая, что оспорить его правоту уже никому не под силу. – Пари выиграно или нет?

Серёга пожимал плечами, поскольку о генералиссимусах не знал ничего, а их вон оказывается в мире – как он успел ухватить из книги, пока она была в его руках, – вообще порядка восьмидесяти. Впрочем, знаний от Серёги не требовалось, от него требовалась справедливость. Серёга, вспомнив о своём судейском статусе, позицию занял, как всегда, жёсткую и справедливую: Фёдорыч спор выиграл – со Славки причитается бутылка и закуска. Для окончательного примирения распить данную бутылку полагается втроем: две спорящих стороны плюс судья.

Славка не возражал, Фёдорыч тем более, но тут воду мутить стал Есаулов.

– Фёдорыч, а кто написал эту книгу? – непонятно спросил он. – Я почему интересуюсь... Приведу пример. Один мой знакомый как-то спросил, вхожу ли я в число известных людей нашего города? Что тут скажешь? Я ответил, что, наверное,

нет. А знакомый ухмыльнулся и сказал, что он в таковые попал. И показал книгу – "Городские знаменитости" или что-то в этом роде. Спросите, как он туда попал, ведь ничем особо не знаменит – так стишки слабые пишет? А всё просто: книгу написал его друг...

– Ты зачем это всё тут рассказываешь? – подозрительно спросил Фёдорыч.

– А затем, что, если бы я писал книгу – ну, про знаменитостей, – я непременно вписал бы туда Бирюкова – по-дружески. Заслуги ему какие-нибудь придумал бы...

Фёдорыч заволновался, даже вспотел:

– Слушай, Есаулов, не темни. Что ты хочешь сказать?

– То, что мне доподлинно известно: в мире признаны два русских генералиссимуса – Суворов и Сталин. О других никто ничего не знает, тогда как генералиссимус – звание международное. Значит, остальные "липовые", сами себе присвоившие. Улавливаешь?..

Фёдорыч принялся шуметь, а Серёга засомневался. Есаулову верить можно. И потом, Ульрих этот, который без воинских доблестей, – какой-то он... нерусский.

– Этак вы договоритесь, у вас и Сталин нерусским окажется! – кипятился Фёдорыч. – Иди-ка ты, Есаул... Я вообще не с тобой спорил!...

Поразмыслив маленько, Серёга объединил Славку Бирюкова с Есауловым, противопоставив им Фёдорыча с его библиотекой и так и не уточнённым автором "Генералиссимусов", и решение своё первоначальное на правах главного судьи отменил. До предоставления документальных доказательств другой стороной. Так справедливо будет...

Не получилось справедливости. На следующий после корпоративного празднования Нового года день, предназначенный для уборки последствий вечеринки, Славка с Фёдорычем бутылку всё же купили. Кто платил, неизвестно, но выпили они её вдвоём, без Серёги. Даже, может, и не одну бутылку. И ему же, Серёге, с пьяного куражу набили морду... Это, по-вашему, справедливо?..

Теперь Фёдорыч бродит по конторе и вынюхивает, с кем ещё поспорить. А Серёга больше не верит в справедливость и ни в какие такие дела не вмешивается. Не надо нам, другого судью ищите.

Октябрь 2005 г.